

называются в работе, — турки-османы) — это ветвь Сельджукидов; такое представление не соответствует исторической действительности. Едва ли правильно, что старые пути, соединявшие Болгарию с Македонией и Грецией, „шли вдоль побережья Черного моря“ (стр. 274). Никак нельзя писать, что в грамотах болгарских царей содержался „перечень многочисленных государственных чиновников, из-под ведомства которых изымались монастырские люди“ (стр. 125), или что „В Лесковаце было поставлено 60 колов для сажения на них крестьян...“ (стр. 254) и т. п.

Иллюстрации ко всем этим главам подобраны в общем довольно удачно, однако подписи под некоторыми иллюстрациями сделаны небрежно.

Взять хотя бы рисунки на стр. 15, 16, 17, 18, 20 и сл. Откуда происходят изображенные здесь орудия? К какому периоду они относятся? — никаких указаний на этот счет не дано.

Встречаются ошибки и в географических картах. Так, на интересно задуманной карте „Народные восстания в Болгарии в XI—XII вв.“ (стр. 117) перепутано объяснение условных знаков. Прерывистой линией обозначен не „путь отступления повстанцев в 1040 г.“, а движение армии повстанцев 1072 г. Вне всякой связи с текстом (стр. 120—122) показано на карте движение повстанцев 1185—1187 гг.

И все же, отнюдь не затушевывая всех этих недостатков, следует еще раз повторить, что данный в томе I „Истории Болгарии“ очерк истории болгарского народа в период феодализма представляет собою ценный вклад в изучение истории Болгарии и является лучшей из всех существующих работ на эту тему.

Э. В. Удальцова

А. А. Попова

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(Обзор литературы)

История польского народа многими нитями связана с историей средневекового Причерноморья — историей стран Балканского полуострова, крымских колоний, а затем Крымского ханства, Византии и Османской империи, не говоря уж об истории Украины и Молдавии. Польша издавна поддерживала с этими странами экономические, политические и культурные связи; политические перемены в бассейне Черного моря, в особенности овладение его побережьем турками-османами в XV в., имели огромные последствия для судеб Польского государства. Естественно поэтому, что польские историки неоднократно обращались к изучению истории Причерноморья. И хотя собственно византиноведение в польской исторической науке XIX—начала XX в. особого распространения не получило, и для этого периода можно назвать лишь несколько работ, специально посвященных Византии, целый ряд исследований, которые рассматривают проблемы истории Причерноморья преимущественно под углом зрения торговых и политических связей с Польшей и Украиной, представляют непосредственный интерес для византиноведов. Благодаря этим исследованиям были введены в научный оборот ценные архивные материалы, в том числе документы из польских архивов, существенно

дополнившие сведения о характере и интенсивности связей Польши с черноморскими государствами. Стоит назвать хотя бы такие работы как книгу Ст. Кутшебы „Польская торговля с Востоком в средние века“, исследования Харевичовой, Гурки и др.¹

Поворотным пунктом в изучении истории Византии и Причерноморья, как и в развитии польской исторической науки в целом, явилась победа в Польше народно-демократического строя. С самого начала существования народной Польши было сделано все возможное для того, чтобы обеспечить максимальный подъем науки. Были восстановлены старые и открыты новые периодические издания, научные учреждения, высшие учебные заведения, большую роль сыграло создание в 1952 г. Польской Академии наук, которая возглавила научно-исследовательскую работу в стране.

Еще в буржуазной Польше образовалась группа историков, приближавшихся к марксистским позициям. После победы народной демократии марксистско-ленинская идеология, в ожесточенной борьбе с буржуазной идеологией и ее проявлениями как внутри страны, так и за ее пределами, получает все большее и большее признание среди польских историков. В связи с этим заметно повысился теоретический уровень исследований в области истории.

Общеизвестно значение для ранней истории славянства свидетельств византийских авторов. Углубленная работа над проблемой формирования классов и государства у славян, в частности — над проблемой возникновения Польского государства, поставила задачу нового критического издания и изучения византийских источников по истории славян. Наряду с капитальными изданиями предпринимается издание сборников источников, предназначенных для широкого круга читателей, которые интересуются историей. Здесь должна быть отмечена издательская и комментаторская деятельность Мариана Плезия, которому, между прочим, принадлежит исследование о первой польской хронике — „Хроника Галла на фоне историографии XII в.“ (Краков, 1947). Он перевел и снабдил научным аппаратом „Греческие и латинские источники для древнейшей истории славян“, „Древнейшие свидетельства о славянах“² (последний сборник включает только византийские источники).

В Польше изданы также отдельные произведения и фрагменты из произведений Прокопия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.³

В 1947 г. была опубликована монография Мариана Маловиста „Каффа — генуэзская колония в Крыму и восточная проблема в 1453—1475 гг.“⁴. Маловист известен как специалист по истории ремесла и торговли стран Европы в средние века. В последние годы он сосредоточил свое внимание на сравнительном изучении западноевропейского и польского ремесла; помимо большого количества статей, им изданы „Исследования по истории ремесла в период кризиса феодализма в Западной Европе в XIV—XV вв.“ Работа о Каффе — одна из первых работ ученого,

¹ St. Kutszeba. Handel Polski ze Wschodem wieków średnich. Kraków, 1902; L. Charewiczowa. Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925; O. Górka. Zagadnienie Czarnomorskie w polityce polskiego średniowiecza. I. 1359—1450. „Przegląd Historyczny“, X, 1933 и др.

² M. Plezia. Najstarsze świadectwa o słowianach. Poznań, 1947.

³ M. Plezia. Prokopiusz z Cezarei. „Meander“, 1946, N 6; T. Sinko. Jan Złotousty (Homilie na listy pasterskie św. Pawła i na list do Filemona). Kraków, 1949; T. Sinko. Bazylii Wielki. Kraków, 1947; T. Sinko. Jan Złotousty. Kraków, 1947 и др.

⁴ M. Malowist. Kaffa — kolonia genueńska... Warszawa, 1947.

написанная им еще до войны и, как предупреждает автор в предисловии, при подготовке к изданию подвергшаяся минимальной доработке. Подробный разбор и оценка книги уже были даны на страницах „Византийского Временника“ в рецензии В. В. Столицкой-Терешкович⁵. Исследование Маловиста вносит немало нового в историю генуэзских колоний в Крыму и опирается на солидную базу источников, в том числе на материалы архивов Варшавы, Венеции, Генуи. Однако в этой работе М. Маловист нередко повторяет устаревшие положения. Необходимо отметить, что в последующих трудах М. Маловист во многом пересмотрел свою методологию.

В 1947 г. в Варшаве вышла небольшая книжка М. Серейского „Византия“⁶, предназначенная главным образом для школы и дающая самый краткий и популярный очерк истории Византии. Внимание византиноведов, несомненно, привлечет исследование Б. Барановского „Знакомство с Востоком в древней Польше“⁷.

Немало статей, заметок, публикаций, касающихся истории Византии и Причерноморья, печатается в польских исторических журналах — „Kwartalnik Historyczny“, „Przegląd Historyczny“, „Meander“; польские византиноведы сотрудничают в таких международных изданиях, как „The Journal of Juristic Papyrologi (Rocznik papirologii prawniczej)“, который издается в Варшаве Р. Таубеншлагом и Е. Мантейфелем⁸, и в „Byzantinoslavica“, выходящей в Праге.

Ряд статей и рецензий принадлежит перу Галины Эверт-Каппесовой (Лодзь). Специально занимаясь историей дипломатических отношений поздней Византийской империи с Западом, она опубликовала несколько этюдов по дипломатической и церковной истории Византии XIII—XV вв. Статья „Страница из истории византино-латинских отношений. Византийское духовенство и Лионская уния (1274—1282)“⁹ излагает ход переговоров Константинополя с Римом главным образом на основании сведений, сообщаемых Пахимером. Борьба партий в Константинополе накануне его падения и в особенности деятельность главы антилатинской партии Луки Нотара рассматривается в статье „Антилатинская партия в Константинополе накануне его падения“, базирующейся на рассказе Дуки и Сфрандзи¹⁰.

Узость постановки проблем в этих статьях приводит к тому, что события рассматриваются в отрыве от социально-экономической обстановки эпохи.

Византийскому народному эпосу о Василии Дигенисе Акрите посвящена статья Северина Гаммера¹¹. Подробно излагая содержание поэмы, автор, к сожалению, при анализе произведения ограничивается установлением филиации идей и сюжетов, и статья носит скорее информационный, чем исследовательский характер. В том же журнале „Meander“,

⁵ ВВ, т. IV, 1951. См. также рец.: L. Kolankowski, „Przegląd Historyczny“, XLI, 1950.

⁶ M. Serejski. Bizancjum. Warszawa, 1947.

⁷ B. Baranowski. Znajomość Wschodu w dawnej Polsce. Łódź, 1950.

⁸ См. рец. И. Фихмана. ВДИ, 1954, № 1.

⁹ H. Evert-Kappesowa. Une page de l'histoire des relations byzantino-latines. Le clergé byzantin et l'Union de Lyon (1274—1281). „Byzantinoslavica“, XIII—1, 1952.

¹⁰ H. Evert-Kappesowa. Stronictwo antylacińskie w Konstantynopolu w przeddzień jego upadku. „Przegląd Historyczny“, XL, 1950. С небольшими изменениями статья напечатана в „Byzantinoslavica“, 1953.

¹¹ S. Hammer. O epopei ludowej greckiego średniowiecza pt. Bazylii Digenis Akritas. „Meander“, 1949, № 1—2.

где помещена названная работа, напечатан также вольный перевод первой книги поэмы о Дигенисе¹².

Серьезные возражения вызывает опубликованная в этом же журнале небольшая работа М. Гумовского „Конец древнего мира“¹³. Автор пытается доказать, что ни о каком экономическом или культурном перевороте в Римской империи V—VI вв. не может быть и речи, ибо сохраняются мореплавание, торговля, римская монета. Упадок древнего мира, сопровождавшийся уничтожением „торговли, средиземноморского мореплавания и всей прежней жизни античности“, по мнению автора, наступил в результате завоеваний арабов. Переломным моментом объявляется 636 г., когда при Ярмуке была разгромлена армия Иракия. В подтверждение своей концепции (весьма, кстати, не новой — ср. теорию А. Пиренна) Гумовский не может, разумеется, привести сколько-нибудь убедительных доказательств и ограничивается чисто внешними сопоставлениями.

Значительный интерес и для византиноведов и для славистов представляет статья Т. Левицкого „Славянская колонизация и славянские рабы в мусульманских странах по данным средневековых арабских писателей“¹⁴. Т. Левицкий прослеживает взаимоотношения арабов со славянами, главным образом — славянами Малой Азии. В соприкосновение с арабами славяне приходят, судя по сообщениям арабских авторов, начиная с VI в. Славянские федераты в византийской армии и македонские славяне, переселенные в 686 г. Юстинианом II в Вифинию для борьбы с арабами, нередко переходили на сторону последних. Арабы селили этих славян в Сирии, по северо-западной границе халифата. Левицкий считает возможным, что некоторые из сирийских славян вели свое происхождение от восточнославянского населения, захваченного во время арабского нашествия на царство хазар в первой половине VIII в. Балканские славяне принимали участие в морских походах арабов. Арабские источники сообщают о славянской колонии в Сицилии в X в. — там осел небольшой отряд одного из сербских племен, как предполагает Левицкий.

Автор собрал значительный материал, характеризующий распространность и положение в арабских странах славянских рабов. Немало славян попало в Испанию, где после падения омейядского халифата в XI в., среди прочих мелких государственных образований, появившихся на его развалинах, возникло даже маленькое государство, основанное рабами славянского происхождения.

Статья Левицкого связана с его занятиями историей возникновения государственных объединений у западных славян. Такого же происхождения работа В. Молэ об античном наследии в искусстве, в особенности — в архитектуре, народов Балканского полуострова во второй половине I тысячелетия н. э.¹⁵ Этот вопрос рассматривается автором как часть общей проблемы связей южных и западных славян с Византией и Римом. В. Молэ прослеживает судьбы античной традиции в искусстве Балканского полуострова в тесной связи с политическими и этническими переменами, происходившими в это время на Балканах,

¹² „Meander“, 1949, № 3.

¹³ M. G u m o w s k i. Koniec starożytnego świata. „Meander“, 1949, № 5—6.

¹⁴ T. L e w i c k i. Osadnictwo słowiańskie i niewolnicy w krajach muzułmańskich według średniowiecznych pisarzy arabskich. „Przegląd Historyczny“, XLIV, 1952.

¹⁵ V. M o l e. L'antiquité greco-romaine des Balkans dans la 2 moitié du premier millenaire. „Byzantinoslavica“, XIII, 1952—1953.

с одной стороны, в Далмации, где было заметно влияние Рима, с другой — в Византии и Болгарии.

Большое внимание в Польше привлекают успехи советского византиноведения. В польской периодике были помещены краткий очерк истории развития византиноведения в СССР, доведенный до 1945 г.¹⁶, и обзор трудов советских ученых, посвященных генезису Русского государства; в этом обзоре обращено особое внимание на произведенный советской наукой пересмотр вопросов о преобладающем влиянии Византии в Крыму, о значении культурных связей между Византией и Русью¹⁷ и др.

Польские историки выступили в „Byzantinoslavica“ с рядом рецензий на книги советских византиноведов.

Г. Эверт-Каппесова посвятила подробную рецензию¹⁸ книге Н. В. Пигулевской „Византия на путях в Индию“ (М.—Л., 1951). Изложив основные положения работы и отметив исчерпывающее использование автором как нарративных и законодательных памятников, так и данных эпиграфики и археологии, и привлечение большой литературы вопроса, рецензент приходит к выводу о том, что „труд представляет собой ценный вклад в экономическую историю Византии и не имеет себе равных“.

Положительно оценила Г. Эверт-Каппесова¹⁹ исследование А. П. Каждана „Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“ (М., 1952). В то же время она полемизирует с А. П. Кажданом по целому ряду вопросов, в частности, считает недоказанным тезис о возврате с VII—VIII вв. к замкнутому хозяйству и о возрождении византийской торговли с XI—XIII вв. Гипотеза А. П. Каждана относительно прониции, вызвавшая, как известно, резкую критику в нашей литературе, излагается Г. Эверт-Каппесовой без каких-либо возражений.

Подробный разбор монографии В. Н. Лазарева „История византийской живописи“ (т. 1—2, М., 1947—1948) дал В. Молэ²⁰. Высоко оценивая этот труд, рецензент особо отмечает главы, где рассматривается искусство Византии XIII—XIV вв. Приводя интересные соображения, касающиеся некоторых спорных моментов, В. Молэ отмечает и известные недочеты книги, к числу которых он относит недостаточное, по его мнению, внимание к экономике, упрощенное изображение генезиса византийской живописи.

Подводя итоги вышесказанному, нужно отметить заметные успехи польского византиноведения²¹. Речь идет не только о количестве опубликованных книг и статей, но и об известных сдвигах в области методологии. Вместе с тем очевидно, что это только первые шаги. Часть исследований, вышедших в народно-демократической Польше, представляет труды довоенного и военного времени или окончание ранее начатых работ, что не может не сказываться на характере исследований. Чувствуется еще известный крен в сторону политической истории, не всегда подкрепляемой достаточным анализом социально-экономической базы. Следует пожелать дальнейшего укрепления дружественных связей между

¹⁶ „Przegląd Historyczny“, XXXIX, 1949.

¹⁷ „Kwartalnik Historyczny“, 1953, № 1.

¹⁸ „Byzantinoslavica“, XIII, 1952—1953.

¹⁹ Ibid., XV, 1954.

²⁰ Ibid., XII, 1951.

²¹ Обзор ни в коей мере не может претендовать на исчерпывающую полноту, и список работ можно было бы значительно расширить. Укажем, например, следующие статьи: G. P a z y c h o c k i. Historia listów św. Grzegorza z Nazyzanu. „Rozprawy PAU“, widr. filol., t. 67. Kraków, 1946; S. H a m m e r. O bizantyńskich podróżach do piekła. „Meander“, an. 3; M. P l e z i a. Jan Złotousty. „Tygodnik Powszechny“, 1948, № 7.

византиноведами Польши и Советского Союза. Хотелось бы, в частности, видеть работы польских товарищей на страницах органа советских византиноведов — „Византийского Временника“.

О. Е. Иванова

В. А. Якубский

ВИЗАНТИЙСКИ ИЗВОРИ ЗА ИСТОРИЈУ НАРОДА ЈУГОСЛАВИЈЕ,

т. I, Београд, 1955, стр. XXII + 329.

В прошлом году в Белграде вышел в свет первый том „Византийских источников по истории народов Югославии“, составленный югославскими историками Ф. Баришичем, М. Райковичем, Б. Крекичем и Л. Томичем под редакцией Г. Острогорского, директора Византиноведческого института Сербской Академии наук. Этот том содержит переведенные на сербский язык отрывки из различных сочинений византийских авторов V—X вв., упоминающих в той или иной связи славян, — независимо от того, выступают ли они под собственными именами или под именем „скифов“.

В книге собраны источники различного типа: тут представлены и труды известных историков Прокопия, Агафия, Иоанна Камениаты и других, и трактаты по военному делу псевдо-Маврикия и Льва VI, и памятники агиографической литературы (жития Григория Декаполита и Климента Охридского), а также богословские сочинения („Ответы“ псевдо-Кесария — древнейший византийский памятник, говорящий о славянах) и даже легенда моливдовула конца VII в., упоминающая вифинских славян.

Все эти материалы изданы без греческого оригинала, однако наиболее важные выражения последнего воспроизведены в соответствующих местах по-гречески в скобках. Перевод памятников сопровождается обширным комментарием; комментарий состоит из небольшой вводной статьи, содержащей общую характеристику того или иного автора и список основной литературы, посвященной ему, из небольших заметок в тексте, позволяющих уяснить место данного фрагмента в общем контексте, и детальных подстрочных примечаний, где разъясняются — с привлечением широкого круга источников и новейшей литературы — неясные и спорные места текста. Большое внимание в комментарии уделено выяснению точной хронологии событий и определению правильной транскрипции славянских имен.

Характеристика византийских писателей, несмотря на ее краткость, обычно содержательна: указывается не только время составления того или иного сочинения, но и политические тенденции автора; иногда отмечаются даже особенности его языка. Мнение исследователей хорошо, хотя и сжато, аргументировано в комментарии.

Бесспорно, рецензируемая книга представляет собой ценный свод источников: и по объему материала, и по качеству комментария она выгодно отличается от соответствующего раздела изданного советскими византинистами „Сборника документов по социально-экономической истории Византии“ (М., 1951, стр. 73—102). Однако хотелось бы сделать несколько замечаний частного характера.

Прежде всего, не всегда ясна структура книги; разумеется, отсутствие фрагментов из сочинений Константина Багрянородного в рецензируемом томе не является случайным недосмотром — их, по-видимому,